

А. Г. МЯСНИКОВ

Кантовский просвещенный персонализм и право на ложь

Одна только заповедь: не лги (даже из самых благочестивых намерений), глубоко укорененная в основе философии как учения о мудрости, могла бы не только способствовать вечному миру в ней, но и сохранить его на все будущее время.

*И. Кант*¹

1

Современный читатель небольшого кантовского эссе о лжи найдет для себя много «странных» мыслей, будоражащих воображение и бросающих вызов современным обычаям и нравам. К ним можно отнести:

- 1) Ложь всегда опасна и вредна.
- 2) «Ложь во спасение», также как и злонамеренная ложь, должны считаться преступлениями.
- 3) Я обязан быть правдивым в своих свидетельствах, если признаю себя свободной и разумной личностью.
- 4) Политика и правосудие должны быть подчинены требованиям морали разума.

Большинство наших современников придерживается как раз обратных представлений о лжи:

- 1) Ложь не всегда опасна и вредна, она может оказаться и выгодной, и спасительной, и необходимой для цивилизованной жизни.
- 2) «Ложь во спасение» не может считаться преступлением, так как является вынужденным средством спасения другого человека.

¹ Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии (1796).

3) Свободный человек может использовать ложь в качестве инструмента для достижения собственных целей, а в качестве свидетеля может умолчать правду, если это будет выгодно.

4) Политика и правосудие ориентированы на общественную полезность и господствующие нравы, а потому безусловные требования разума не пригодны для реальной жизни.

За 200 лет обсуждения кантовской статьи и самого требования безусловной правдивости в свидетельских показаниях по сути ничего не изменилось. По-прежнему преобладает прагматическая позиция, разделяемая большинством здравомыслящих людей, ищущих личную выгоду и общественную пользу. Может большинство людей все-таки правы? И лишь некоторым «странным» людям интересны кантовские идеи. А может быть, прав Кант, и большинство людей пока живут давними предрассудками о полезности и необходимости лжи и просто боятся быть правдивыми? Ведь именно большинство людей на земном шаре совсем недавно обрели и еще обретают разумные права и свободы, начинают осознавать самоценность своего человеческого достоинства. Примером тому служит российское общество, дошедшее до формальной отмены крепостного права только в 1861 году, а реальная отмена феодально-крепостных отношений происходит в последние десятилетия отечественной истории.

Получается, что Кант заглянул на столетия вперед и предложил такую систему понятий и идей, которую сейчас мы можем назвать «просвещенным персонализмом». Под ним мы будем понимать *морально-правовое совершеннолетие конкретного лица (персоны)*, основанное на его моральной и правовой ответственности за совершаемые поступки. В свою очередь эта ответственность предполагает, что поступки данного лица являются свободными и самостоятельными.

Морально-правовой персонализм четко проявляется в самих вопросах, на которые отвечает Кант в своей статье. «*Первый вопрос*: имеет ли человек право быть неправдивым в тех случаях, когда он не может уклониться от определенного «да» или «нет»?» предполагает, что человек, если может правомерным образом уклониться от принудительных ответов, то он вправе это делать; ведь если нет ответа, то и нет ответственности, а по-русски – «на нет и суда нет». Если же дал ответ, то отвечай за него². (Например, в России правовые понятия об ответственности приходят в общественное сознание из криминальной сферы в виде таких жаргонных фраз, как «за слова ответишь», «ты мне за все ответишь» и др., которые подчеркивают необходимость персональной ответственности в социально-экономических отношениях).

Из этой персональной ответственности вытекает правовая обязанность («заповедь разума») – «во всех показаниях быть правдивым (чест-

² Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 257.

ным)». Именно ответственность человека перед собственным разумом и другими людьми делает его *лицом* (персоной).

Второй кантовский вопрос звучит так: «должен ли человек в высказывании, к которому его несправедливо принуждают, сказать неправду, с тем чтобы спасти себя или кого другого от угрожающего ему злодеяния?»³. Из него следует, что если человек имеет долг говорить неправду в ситуации принуждения к ответу, то он не отвечает за свои слова, так как долг освобождает его от ответственности; тем самым человек теряет свое лицо, свою вменяемость. (Например, воинский долг освобождает военнослужащего от ответственности за убийство врага или предателя во время военных действий). При этом Кант допускает, что в экстремальной ситуации человек *может* солгать (не важно из каких соображений), солгать на свой страх и риск, т.е. именно под свою персональную ответственность. Выбирая такую максиму поступка, он должен брать на себя всю ответственность за последствия своего обмана и при этом *должен знать*, что даже его доброе намерение не может однозначно позитивно предопределить все материальные последствия его лжи, всю ближайшую причинно-следственную цепь событий. Кроме того, доброе намерение (например, спасти человека) вряд ли может нейтрализовать негативные качества лжи. В данном случае цель и средства оказываются несоответствующими друг другу, а потому чаще всего возникают до боли известные нам ситуации типа «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Эти российские и не только российские «казусы» хорошо объясняет академик А. А. Гусейнов в статье, посвященной этике Льва Троцкого. Гусейнов утверждает, что если благие цели могут оправдать самые жестокие и бесчеловечные средства их достижения, то значит, эти средства не имеют автономии, они должны быть полностью подчинены намеченным «благим» целям. Возникает явное противоречие. «Диалектически-резинковые формулы», пишет он, «позволяют оправдать любые преступления, сохраняя при этом маску приличия»⁴. *Только содержательное и субъектное единство целей и средств позволяет избежать страшных злоупотреблений и последствий.* По его мнению, из этого следует: «Именно средства выявляют истинный смысл целей»⁵. Применительно к нашей ситуации — это будет прямым подтверждением правоты кантовской позиции, ибо ложь в качестве средства достижения благородной цели (спасения жизни человека) остается все же позорным и опасным поступком, вовлекающим участников ситуации в цепь непредсказуемых последствий, которые, будучи инициированы ею, несут на себе следы «позорности» и «опасности». Это отчетливо показал Ф. Достоевский

³ Там же.

⁴ Гусейнов А. А. Этика Троцкого // Язык и совесть. Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С. 62.

⁵ Там же. С. 63.

в образе Раскольникова, решившего осчастливить весь мир с помощью убийства никчемной старушки-процентщицы, однако убившего вместе с ней и невинную девушку. А. А. Гусейнов указывает на опасное заблуждение, свойственное многим политическим деятелям России, в том числе и Троцкому, а именно: «Все зависит от целей. Они могут все оправдать, превратить черное в белое»⁶.

Ложь не может быть признана надежным и эффективным средством достижения такой цели, как спасение жизни человека, так как она будет опосредована многими обстоятельствами, а главное — произвольным решением злоумышленника. Нужно учитывать, что в ситуации L ни лживый, ни правдивый ответ на вопрос злоумышленника не создают *необходимого условия* для предотвращения возможного преступления. Эти ответы вряд ли смогут изменить максимуму воли злоумышленника, а тем более, не могут оказать ему физическое сопротивление.

Конечно, большинству людей не хочется постоянно думать о своей ответственности и тем более брать ее на себя, ибо она ложится на человека тяжелым бременем. Благие, а чаще всего воображаемые цели производят анестезирующий, успокоительный эффект на самосознание человека и создают иллюзию справедливости, оправданности любых средств их достижения. Самые расчетливые прагматики на самом деле оказываются удивительными мечтателями, настолько увлеченными своими целями, что уподобляются заведенным часовым механизмам, строго выполняющим все нужные движения и действия: «будьте уверены, будет выполнено любое задание».

Право на ложь особенно требуется тогда, когда неморальные средства не привели к достижению нужной цели. Например, когда раскрылась публичная ложь высокопоставленного лица или государственного чиновника. Право на ложь превращает его в маленькое насекомое, закрытое от публичности и всякой ответственности, а потому ему необходимо утешение, успокоительное средство, а также средство защиты от возможного наказания. Это право обычно имеют высокопоставленные лица, занимающие особое государственное положение, а как следствие — морально-правовую неприкосновенность, они почти полубоги, они не должны отвечать перед судом большинства простых смертных.

В этом традиционном представлении о праве на ложь прослеживаются феодально-крепостные понятия о сословном праве и сословной морали, когда большая часть населения — народ не рассматриваются в качестве собственников, т.е. в качестве самостоятельных, свободных граждан, имеющих неотчуждаемые права. Из этого следует, что *любая ложь есть разновидность кражи, скрытое изъятие личной нематериальной собственности (свободы, чести, достоинства)*. Подобные кражи не являются зазорными и непросительными для несамостоятельного, догматического сознания холопов, приравненных к живым орудиям труда и их го-

⁶ Там же. С. 61.

спод, не признающих морально-правовую равноценность каждого человека. Не случайно, что в России воровство имеет такие давние и живучие корни.

Кант обращает внимание именно на правовой аспект «лжи во спасение» не только для того, чтобы разоблачить ее священно-спасительный пафос, но и для того, чтобы отрезвить будущих «благодетелей» человечества персональной юридической ответственностью за свои деяния.

2

Кантовский просвещенный персонализм ориентирован на защиту частной собственности, прав и свобод каждого лица, его достоинства от возможных посягательств со стороны других лиц и государственных служб. Без сомнения, это реальность постфеодального общества, которое начинает жить по общим разумным понятиям, среди которых ключевыми являются такие качества человека, как «лицо» и «достоинство».

Кант использует понятие «лица» (Person) для того, чтобы показать особый способ бытия человека, в котором выражается человечество. Он развивает понятие лица из структуры морального обязательства: лицом является такой субъект, который способен *притисывать себе* совершенные им поступки, т. е. вмняемый, разумный субъект. Таким образом, пребывать в качестве лица (персоны) я могу, по Канту, в том случае, если представляю в своем лице чистый практический разум. Именно чистый практический разум способен к моральному самозаконотворчеству и тем самым вызывает в нас чувство уважения к себе и другим. Уважение, будучи моральным чувством, является не предпосылкой, а действием морального закона. В «Критике практического разума» он пишет: «И таким образом уважение к закону есть не побуждение к нравственности, а сама нравственность, если рассматривать его субъективно как мотив, так как чистый практический разум, отбрасывая все притязания себялюбия, в противоположность этому себялюбию придает авторитет закону, который теперь один только и имеет влияние»⁷.

По мнению современного немецкого исследователя Зигфрида Кёнига, Кант пытается сделать невозможное, «а именно мыслить разум в форме морального закона без приложения последующей (широкой) мотивации, действительно представленной в субъекте, и одновременно мыслить в качестве подлинной только мотивацию к исполнению закона разума»⁸. С помощью отождествления моральности с разумным определением воли Канту удается подчинить мотивацию поступков требованиям категорического императива. При этом безусловное долженствова-

⁷ Кант И. Критика практического разума // Сочинения на немецком и русском языках в 4-х т. Т. 3. М., 1997. С. 477.

⁸ König S. Zur Begründung der Menschenrechte: Hobbes Locke Kant. Freiburg; München. 1994. S. 250–251.

ние совершенно не зависит от опыта, от эмпирических условий, и эта независимость обусловлена, по Канту, тем, что разум предписывает самому себе, то, что должно происходить, причем независимо от всех явлений. Следовательно, «действия, никакого примера которых, может быть, никогда и не давал мир и в исполнимости которых очень и очень сомневается тот, кто все основывает на опыте, тем не менее с неумолимостью предписываются разумом...»⁹.

Несмотря на то, что Канта часто обвиняют в ригоризме за это суждение, следует видеть в нем указание на «идеал», а не на возможное конкретное состояние человека, так как для него добродетель равнозначна «моральному настроению в борьбе» и вовсе не является «святостью». Конечно, постулируя этот идеал, Кант ставит человека в несоединимое напряжение между бытием и долженствованием, которое преодолевается только в идее интеллигибельного мира чисто разумных существ, но благодаря этому напряжению человек обретает свое специфическое достоинство. Достоинство, приобретаемое через уважение к моральному закону, возвышает эмпирического человека до статуса «лица» как полноправного представителя человечества.

Конституирование себя в качестве «лица», по Канту, предполагает спонтанность и автономность воли, независимой от механизма природы: «лицо как принадлежащее чувственно воспринимаемому миру подчинено собственной личности, поскольку она принадлежит в то же время и к умопостигаемому миру»¹⁰. Это напряжение между человеком эмпирическим и человеком умопостигаемым оказывается не чем иным, как напряжением между эмпирическим человеком и человечеством. Познавая себя в качестве *homo phaenomenon*, т. е. в качестве части материального мира, человек способен возвыситься над самим собой как *homo noumenon*, способен соотносить себя с идеей человечества в своем лице.

Идея человечества является у Канта «первообразом» наших поступков благодаря присутствующему в нашем разуме моральному закону, который делает нас субъектами этого закона и квалифицирует нас в качестве лиц, т. е. умопостигаемых представителей человеческого рода. Выполняя требования морального закона, мы осуществляем идею человечества в нашем лице. Поэтому в человеке (в его практическом разуме) всегда заключена возможность соотносить себя с человечеством, мыслить себя как *цель саму по себе*, ибо каждое разумное существо должно пониматься в качестве самоцели и не может быть только средством. Это основное требование морального закона составляет саму идею человечества в лице каждого человека и указывает на правомочие разума над всей остальной природой. В качестве самоцели человек будет абсолют, не подлежащим чьему-либо распоряжению, будет лицом, которое

⁹ Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках в 4 т. Т. 3. М., 1997. С. 103.

¹⁰ Кант И. Критика практического разума. С. 511.

обладает умопостигаемым достоинством, коренящемся в его собственном чистом разуме.

Кант подчеркивает, что человек обладает достоинством не как познающее, планирующее и деятельное существо, а только будучи *морально обязательным лицом*. Через это автономное самообязывание человек, по словам Кёнига, «призывается к человечеству», а в осуществлении моральной автономии, по Канту, будет реализовываться право человечества¹¹.

Отсюда следует, что *человечество в лице каждого* является только *идеей*, которую мы применяем к моральному поведению людей, а потому признание права человечества должно быть отнесено в область этики. Человек в кантовском понимании обязан человечеству в своем лице тем, что для него имеются обязанности по отношению к самому себе, главный признак которых состоит в том, что человек не может делать самого себя *только вещью*, а должен всегда рассматривать самого себя и как цель в себе. Мы не можем распоряжаться собой как собственностью, использовать свое лицо только как средство, ибо тем самым мы нарушаем право человечества, унижаем свое достоинство.

При этом человечество в лице каждого человека придает ему неотчуждаемое *достоинство* («Würde»), на основе которого он может требовать уважения к себе, а это уважение, в свою очередь, делает каждого человека независимым от его *достойности* («Würdigkeit»). Эта мера достоинства, которую Кант называет человечеством в каждом лице, представляет собой непреодолимую границу для использования людей в качестве инструментов — и эту меру достоинства мы должны признать за худшим преступником.

В связи с этим имеется очевидная трудность различения в русском языке понятий «достоинство» и «достойность» применительно к выражению «быть достойным». Например, чего достоин злоумышленник в известной ситуации L? Если «достоинство» является неотъемлемым качеством каждого лица как разумного существа, независимо от его усилий и поступков, то «достойность» характеризует человека по совершенным поступкам и делам. Достойность предполагает оценку сделанного человеком со стороны других людей, а также самооценку собственных мыслей и поступков, а как следствие имеет определенную цену, награду, степень. Ведь именно эта материальная оценка человеческих поступков и дел долгое время считалась основанием для понятия «достоинство», когда оно определялось чином, званием и социальным положением человека в обществе.

Исходя из этого различения, любой человек имеет неотчуждаемое право на свое личное «достоинство», независимо от того, хорош ли он или плох, добр или зол, добропорядочный гражданин или преступник. «Достойность» (высокая оценка, общественное признание) будет

¹¹ Konig. S. Zur Begründung der Menschenrechte: Hobbes Locke Kant. S. 258.

непосредственно зависеть от сделанного, от личных заслуг человека. О преступнике мы можем сказать, что он не достоин похвалы и награды, но он имеет право на уважение к своему лицу, а потому заслуживает справедливого суда. Также как злоумышленник, будучи разумным существом, осознающим ответственность за совершаемые поступки, имеет право спросить нас о своей предполагаемой жертве. Если же человек явно обнаруживает свое неразумие в виде безумия, шизофрении или других патологий, то в этом случае он приравнивается к обычному животному, которое нужно обследовать и по возможности лечить.

У Канта понятия «лица» и «достоинства» укоренены в разумной природе человека. Именно из разумной природы, основанной на биологическом родстве с другими людьми, проистекают права, обязанности, достоинство представителей рода *Homo sapiens*. По Канту, люди получают способность иметь личное достоинство только будучи моральными, т.е. вменяемыми, ответственными, разумными существами. Общая принадлежность к разумному сообществу и порождает идею права человечества, которая в свою очередь обосновывает равную свободу всех лиц.

Поэтому возможность права человека на ложь также должна быть рассмотрена с точки зрения права человечества. На этом пути у Канта происходит существенная эволюция понятия «право человечества».

3

Право на ложь или «ложь по необходимости» впервые рассматриваются Кантом в «Лекциях по этике» 1760-х годов. В них он подробно разбирает правдивость и лживость в качестве противоположных моральных состояний: первое возвышает отдельного человека до статуса «морального лица» и утверждает за ним «право человечества», второе — унижает до слабого, трусливого существа.

Кант вынужден констатировать, что «если бы все обладали благими намерениями, то люди не лгали бы по долгу, этого просто никто не стал бы делать, так как не требовалось бы. Но сейчас, поскольку люди злы, правда состоит в том, что человек часто идет навстречу опасности из-за своей приверженности истине»¹². Человеческое благоразумие, заботящееся о продолжении счастливой жизни, чаще всего пересиливает категорическое моральное требование и находит для этого самые разные оправдания. К ним обычно относятся: трудно преодолимые жизненные обстоятельства, слабость и хрупкость человеческой природы, в том числе и корыстные намерения, от которых большинству людей очень трудно отказаться.

Уже в «Лекциях по этике» философ признает огромную силу и могущество природной злостности людей, их эгоистичности, но ложь — как

¹² Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2005. С. 203.

бы она ни была «необходимой», «полезной» или случайно-легкомысленной — «по форме своей зла» и несправедлива¹³.

Во-первых, ложь подрывает доверие людей друг к другу и приводит, по мнению Канта, к понижению любознательности, а следовательно, она препятствует развитию всех человеческих способностей и задатков. Даже легкомысленная неправда, случайный обман не менее «злы», чем осознанная и корыстная ложь, так как препятствует распространению знаний, а вместо них воспроизводит ложные мнения и укореняет предрассудки.

Во-вторых, ложь нарушает «право человечества», т. е. право других людей на законное обладание некоторой «собственностью» или «моим». Корыстная ложь направлена на тайное изъятие части «собственности» другого лица или на использование ее без согласия владельца. Обычно лжецами «используются» моральные качества и силы обманутых людей, а также их иные способности. Даже ложь по необходимости направлена на сохранение и увеличение своей «собственности» или «моего» за счет другого («твоего»). Кант приводит пример с ложным обещанием, оскорбляющим другое лицо тем, что лишает человека обещанного, которое он уже «рассматривал как свою собственность».¹⁴ Обещание предполагает передачу права собственности на обещанную вещь, услугу или поступок. Для Канта — это очевидно и безусловно.

В-третьих, как утверждает философ, «Все, что противоположно откровенности, приводит к потере человеческого достоинства»¹⁵. Лжец использует доверие людей в собственных целях и тем самым превращает самого себя в одно лишь «средство» реализации собственных склонностей или в одушевленную вещь, действующую по некоторым законам материальной природы. Но в отличие от неодушевленных материальных тел поведение лжеца оказывается непредсказуемым, так как определяется разными, сменяющимися друг друга представлениями о счастье и личной пользе. Такая непредсказуемость мотивов и поступков вызывает отвращение к нему со стороны честных и добропорядочных людей.

Вслед за Ю. Эббингхаусом¹⁶ мы должны обратить внимание на то, что в «Лекциях по этике» Кант считает правдивость *долгом по отношению к другим*, и его аргументация строится на основе положения «лгун разрушает сообщество»¹⁷. Сообщество поддерживается через *общение* людей, смысл которого Кант видит в искренности высказываний. От-

¹³ Там же. С. 204.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 206.

¹⁶ См.: *Ebbinghaus J. Kant's Ableitung der Verbotes der Lüge aus dem Rechte der Menschheit // Kant und das Recht der Lüge. Würzburg, 1986.*

¹⁷ *Кант И. Лекции по этике. С. 200.*

сутствие искренности, правдивости в словах делает общение бессмысленным, так как каждый ищет в нем пользу и удовольствие, прежде всего, для себя. Пожалуй, этот взаимный прагматический и даже эстетический интерес в общении обуславливает признание правдивости «этической обязанностью по отношению к другим». У большинства членов сообщества есть свой интерес в знании других людей, их мыслей, чувств, настроений, убеждений, и отказывать в его осуществлении кажется несправедливым — таково убеждение Канта в период чтения «Лекций».

Получается, что прагматический интерес другого человека в знании меня и других оказывается сильнее и выше моего желания и моего права не раскрывать своего внутреннего, ценностного мира убеждений и мнений. Ведь другой человек, следуя своему природному любопытству, может попытаться узнать обо мне все, и я буду должен раскрыться ему, следуя безусловному долгу правдивости. Возникает явное противоречие интересов. Тем более, по словам философа, «пронзидение хочет, чтобы человек не был открыт полностью так как заполнен недостатками»¹⁸. В начале параграфа он упоминает те случаи, когда человеку приходится «сдерживаться», «притворяться» ради некоторого сокрытия своих недостатков: «Поскольку у каждого из нас много свойств и желаний, неприемлемых для других, то мы хотим в глазах других казаться иными, например, сумасбродными и ненавидящими; впоследствии же эти свойства возникают действительно, потому что люди привыкают к ним, так как видят у всех остальных. Поэтому мы держим себя следующим образом: частью скрываем наши поступки, частью принимаем иной вид, владея искусством выглядеть по-другому, чем есть на самом деле»¹⁹. Кант делает следующий важный вывод: «Поэтому искреннего человека в истинном понимании этого слова не существует»²⁰.

¹⁸ Там же. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 201. Хотелось бы обратить внимание на смысл кантовского фрагмента, который несколько искажен в переводе А. К. Судакова. У Канта речь идет именно о необходимости сокрытия людьми своего возможного сумасбродства и ненависти к другим. Из перевода же следует, что эти качества становятся привычными для многих и их не следует скрывать. См. оригинал: «Die Neigung sich zurückzuhalten und zu verbergen beruht darauf, daß die Vorsehung gewollt hat, der Mensch soll nicht gantz offen seyn, weil er voll Gebrechen ist; weil wir viele Eigenschaften und Begierden haben, die dem andern verwerflich sind, so möchten wir den andern von der Seite der Thorheit und des Hasses in die Augen fallen. Alsdenn aber möchte dieses entstehen, daß sich die Menschen an die böse Eigenschaften angewöhnen möchten, weil sie dieselben bey allen sehen würden» / Von den ethischen Pflichten gegen andere; und zwar von der Wahrhaftigkeit. P. 406. // <http://kant.bbaw.de/moral/transkr.htm>. Таким образом, притворство требуется нам, поскольку в противном случае глупость и злоба одних постоянно бросались бы в глаза другим, из-за чего люди привыкли бы к дурному, так как постоянно бы видели его во всех людях.

²⁰ Кант И. Лекции по этике. С. 201.

Этот точный кантовский вывод обнаруживает противоречивость и требует ограничения самой этической обязанности «быть правдивым» по отношению к другим. Мы не можем полностью раскрываться перед другими людьми для поддержания прагматической цивилизованности в сообществе. Возникает противоречие между моральной обязанностью и прагматическими интересами людей, что приводит Канта к необходимости признать некоторые исключения при исполнении долга правдивости. А это, по сути, является допущением права на ложь.

Ложь может рассматриваться как «ответное оружие» в общении с другим человеком, если тот заставляет нас выдать ему знание или достоверную информацию, которую он непременно использует в «неправедных целях»²¹. При этом само по себе исключение из морального долга является проблематичным и, возможно, оно побудило Канта к переосмыслению долга правдивости как этической обязанности по отношению к другим.

Следует обратить внимание на то, что в «Лекциях» он утверждает: «У каждого человека есть право препятствовать тому, чтобы другой его действия разведывал и выслеживал. Такой человек присваивает себе право рассматривать чужие дела и поступки, что не должен делать никто»²². Таким образом, у Канта право защищает моральную автономию и неприкосновенность личной жизни как частную собственность от всякого неправомерного внешнего посягательства.

Вместе с тем кенигсбергский философ утверждает: «Все, что противоположно откровенности, приводит к потере человеческого достоинства»²³. Оказывается очень не просто соединить в одно целое (причем непротиворечивым образом) *право на личную автономию* и *моральное требование быть искренним в общении с другими*. Только в конце 90-х годов (перед написанием статьи о лжи) Кант находит выход из этой коллизии в сочинении «Метафизика нравов», в котором относит правдивость к долгу человека перед самим собой как моральным существом, а ложь к пороку, противоположному этой добродетели.

В «Этическом учении о началах» своей «Метафизики нравов» он объясняет правдивость как одно из необходимых требований формального «соответствия между максимами воли человека и достоинством человечества в его лице»²⁴. Безусловному долгу правдивости противостоит порок — лживость, которая проявляется в произвольном следовании принципам, т. е. превращает человека в средство достижения разнообразных целей или в вещь, что явно противоречит его моральному назначению.

²¹ Там же. С. 204.

²² Там же. С. 205.

²³ Там же. С. 206.

²⁴ Кант И. Метафизика нравов // Соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 461.

При этом Кант подчеркивает, что именно двойственная природа человека как «разумного природного существа» и как «личности», «одаренной внутренней свободой», позволяет требовать от него безусловных обязательств, в том числе и правдивости. Эти безусловные обязательства могут быть осуществлены, так как они предписываются собственным практическим разумом человека по отношению к его естественным склонностям (природному существу). И в качестве морального существа человек «должен, а значит, может» быть правдивым, прежде всего, перед самим собой, перед своим внутренним судьей или совестью.

Если в «Лекциях по этике» философ преимущественно уделял внимание «внешней лжи», направленной на других, то в «Метафизике нравов» он исследует феномен «внутренней лжи» («преднамеренного обмана самого себя»), которая является изначальным источником зла в человеческой природе²⁵.

Если «внешняя ложь» превращает человека в одно лишь средство или вещь, и тем самым делает его «предметом презрения в глазах других», то «внутренняя ложь» более опасна, так как лишает человека вообще всякой ценности²⁶. Согласно позднему Канту, внешняя ложь противоречит естественной целесообразности всех вещей и действий в природе. Как говорит философ, любой вещи можно найти применение, используя ее постоянное свойство, «поскольку она есть нечто действительное и данное»²⁷. Неправдивые слова лжеца теряют свою природную целесообразность, так как не могут использоваться другими людьми для конкретных и полезных целей. Ложная информация не может привести доверчивого человека к задуманным результатам.

Мы можем выделить три аспекта «внутренней лжи», которые указывают на ее большую опасность для бытия человека как свободной личности.

Во-первых, так как человек, способный лгать самому себе, отказывается от естественной целесообразности своих высказываний, то он одновременно отчуждается от своей «личности» и превращает себя в «обманчивую видимость», в набор масок, ролей и публичных оценок.

Во-вторых, «внутренняя ложь», по мнению Канта, унижает человека и «как бы» уничтожает человеческое достоинство в себе, так как человек перестает видеть собственную самоценность и сознательно лишает себя статуса умопостигаемого, свободного существа, т.е. персоны. Эта потеря моральной идентичности человека ведет к страшным последствиям, которые вредят не только ему, но и всему сообществу.

И, *в-третьих*, Кант видит во «внутренней лжи» корень всякого зла. Эта глубокая метафизическая идея появляется у него еще в «Религии»,

²⁵ Там же. С. 473.

²⁶ Там же. С.472.

²⁷ Там же.

а в «Метафизике нравов» он развивает эту мысль, ссылаясь на изначальную склонность людей к лицемерию²⁸. Носитель первой лжи в Библии — это Сатана, и именно с нее начинается грехопадение людей, а значит, эпоха свободы. Таким образом, в самом человеке коренится эта изначальная склонность к обману и лицемерию, т. е. желание обмануть своего внутреннего судью — совесть, а вместе с ней, возможно, и высшего морального судью — Бога, чтобы ощутить полную независимость от всякой обязанности и закона. Это наивное (почти детское) желание абсолютной свободы часто прорывается в жизнь человека и заставляет страдать, так как от внутреннего судьи никому не удастся скрыться.

Поэтому Кант отстаивает в своих поздних практических сочинениях именно безусловное требование правдивости благодаря тому, что смещает свое внимание с «внешней лжи» на «внутреннюю ложь», и тем самым усиливает значение внутренней самооценки лица или его достоинства как необходимого условия морального бытия. Вместе с тем ясное осознание большой опасности «внутренней лжи» приводит Канта к пониманию не меньшей опасности и «внешней лжи». Об этом он говорит в следующем фрагменте: «...сам способ следовать лжи в одной только форме есть преступление человека по отношению к своему собственному лицу и подлость, которая должна делать человека достойным презрения в его собственных глазах»²⁹.

Ключевая фраза данного фрагмента сразу бросается в глаза: «*преступление человека по отношению к своему собственному лицу*». Почему именно преступление, а не проступок или не казус? Кант не отвечает здесь на этот вопрос. Повод для ответа даст ему статья Бенжамена Констана³⁰. В полемике с французским писателем и политиком И. Кант даст ответ на вопрос: *почему лживость («внешняя ложь») должна быть признана «преступлением», причем не только моральным, но и юридическим?*

Чтобы отчетливее разобраться с правомерностью кантовского вопроса и обоснованностью его аргументации мы должны систематизировать основные трактовки и интерпретации.

4

Систематизация этих трактовок и интерпретаций предполагает анализ структуры кантовского доказательства тезиса о том, что любая внешняя ложь (преднамеренная неправда, высказанная другому человеку) является преступлением по одной лишь своей форме, т. е. безотносительно к ее содержанию или мотивации.

²⁸ См.: Кант И. Религия в пределах только разума // Соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 44.

²⁹ Кант И. Метафизика нравов. С. 473.

³⁰ См.: Constant B. Über politische Reaction // Kant und das Recht der Lüge. Würzburg, 1986. S. 23–25.

Начнем с *противников* Канта, предлагающих так называемую эмпирико-прагматическую интерпретацию кантовского тезиса и аргументов. Мы должны принять во внимание концепции Б. Констана, А. Шопенгауэра, Г. Пэтона, Б. Капустина и других³¹.

Их общая установка заключается в том, что кантовский тезис чрезмерно ригористичен и не соответствует возможностям человеческой природы. А так как имманентно содержащееся в тезисе требование (всегда быть правдивым с другими людьми) выполнить невозможно, то сам тезис будет ложным.

В качестве аргументов противники Канта ссылаются на природную ограниченность человека, слабость, хрупкость его природы, а также на силу и могущество естественных инстинктов и потребностей. «Эмпирико-прагматическая» интерпретация также апеллирует к полезности лжи в некоторых «неудобных» или крайних ситуациях, допуская, что человек способен ясно предвидеть последствия своей «вынужденной», но «полезной» неправды. *Такое допущение* свидетельствует о признании за человеком особого дара *знать* ближайшие материальные последствия своих обманных высказываний, а тем более возможные реакции на них других людей.

На основе подобных допущений противники Канта пытаются подменить сам тезис так, чтобы придать ему только этический (моральный) характер. С помощью этой подмены снижается степень опасности любых форм обмана, так как они перестают восприниматься в качестве «преступлений», т. е. выходят из разряда правовых действий и отдаются на усмотрение конкретного лица³². Даже Констан — ближайший современник Канта — видел в так называемом кантовском ригоризме угрозу для морального существования общества и в то же время не меньшую опасность усматривал в отсутствии строгих моральных принципов. Тем более наши современники, например, Б. Капустин и А. Судаков рассматривают правдивость и требование недопустимости «внешней лжи» как предрассудки далекой эпохи Просвещения, и вслед за Гегелем они либо погружаются в стихию народных нравов или конкретной «нравственности», либо полностью по-

³¹ Подробнее об этом см.: Мясников А. Г. Право на ложь: от Канта до современности: Монография. 2 изд. с доб. и испр. М.: РФО; Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2006., а также Мясников А. Г. Проблема права на ложь (прав ли был Кант?) // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 130–141.

³² В связи с этим интересна психологическая трактовка российского феномена правдивости в исследованиях В. В. Знакова. Он различает *морально-правовой* способ мышления Канта и *субъективно-нравственный* способ мышления, характерный для русской культуры. Если первый способ мышления ориентирован на строгое выполнение всеобщих обязанностей перед обществом, то второй оставляет решающее слово за говорящим или слушающим субъектом в определении того, можно ли считать правдой то или иное высказывание. См.: Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. С. 40–42.

лагаются на божественную сверхъестественную (иррациональную) волю, которая направит слабую человеческую волю по правильному пути. В любом случае человек не будет себя считать ответственным за допущенный обман и за его последствия; его адвокатами будут «конкретно-исторические обстоятельства» и высшее «божественное откровение».

Конечно, для глубокого и основательного морально-правового размышления эти возражения не существенны и не достаточны, так как не принимают в расчет самозаконодательной силы практического разума и тем самым не удостоверяют самой человеческой свободы. А если нет свободы, то нет и морального лица, а тем более, правового³³.

Заслуживает особого внимания позиция *не строгих последователей (ревизионеров)*, к числу которых мы можем отнести Вл. Соловьева, Н. Гартмана, Дж. Вульямину, Й. Тиммерманна. Их интерпретации кантовского тезиса имеют явное морально-этическое звучание и содержат в себе сильные христианские мотивы сострадания и милосердия к ближнему. Они ориентируются на конечную цель нравственного поступка — на спасение или помощь человеку, попавшему в беду, но при этом упускают из вида то, что моральное целеполагание не является однозначно и необходимо определяющей причиной наступления желаемых физических действий. Тем более что в качестве средства спасения другого человека используется ложь как не моральное средство. И Соловьев, и Гартман, и Тиммерманн отдают предпочтение ценности жизни другого человека, и это вполне естественно для людей, но вместе с тем они вынуждены пожертвовать моральной самооценностью человека, вынужденного обманывать ради спасения другого. При этом неизбежность наступления положительных результатов очень проблематична, а потому ни один «вынужденный спаситель» не может быть застрахован от того, что его обман не приведет к еще большему несчастью.

Христианское милосердие и сострадание оказываются в данной ситуации слабыми помощниками, а то и могут привести к разрушению морального и правового доверия между людьми. Когда Владимир Соловьев говорит о праве как «минимуме нравственности», он слишком легко преодолевает этот «минимум», нацеливаясь на абсолютную нравственность, недостижимую для смертных людей. Право предназначено защитить частный интерес и личную свободу человека от всякого внешнего произвола — в этом убежден Кант — и подготовить основу для морального совершенствования людей. Право на необходимую ложь в частных отношениях играет провокационную роль

³³ На эту связь между моральным и правовым определением свободы обращает внимание Норберт Хинске в статье «Кантовское разрешение антиномии свободы или неприкосновенное ядро совести», опубликованной в журнале «Вопросы философии» (2005. № 2. С. 144–157).

не только для морали, но и самого права, так как допускает неограниченное число исключений из обязательных требований (правил и норм), а следовательно, подрывает необходимость оснований всякого должностования.

Безответственность, порожаемая правом на ложь, грозит большой опасностью для существования общества в силу непредсказуемости своих последствий. Поэтому чтобы «ставить на чашу весов», с одной стороны, моральный долг помощи другому человеку (даже ради спасения его жизни любыми средствами), а с другой стороны, долг правдивости, по нашему мнению, следует очень серьезно подумать о последствиях такого «взвешивания» или выбора. Ведь никто не говорит, что не нужно помогать человеку, попавшему в беду и надеющемуся на нашу помощь, но в то же время большинство упускают из вида *неправомерные средства* для оказания такой помощи.

Неправомерные средства, к числу которых относится «внешняя ложь», не берутся во внимание из-за превосходящей цены и значимости жизни другого человека по сравнению с моральным значением спасающего лица. Получается, что мы должны пожертвовать своей личностью ради жизни другого человека, понимая при этом сомнительный характер такого самопожертвования. В данном случае сталкиваются между собой вовсе не эгоизм и альтруизм, как это пытаются представить многие моралисты, а моральная самооценность личности и прагматически благоразумная взаимопомощь, находящая себе поддержку в христианской религии.

Моральная самооценность имеет безусловное значение в перспективе права человечества в моем лице и охраняется принципом автономии внутреннего ценностного мира. Так мы подошли к позиции *сторонников* кантовского тезиса. К их числу можно отнести Ю. Эббингхауса, Г. Вагнера, Э. Соловьева, С. Чернова, Г. Рёмппа, Х. Оберера, Г. Гайзмана, О. Хёффе, М. Габела, Б. Химмельманн и др.

Моральная самооценность лица или его человеческое достоинство зависят от признания умпостигаемой (свободной) сущности разумного субъекта, который через постулирование своей «внутренней свободы» становится ответственным субъектом права и морали. Большая заслуга немецких кантоведов Вагнера и Гайзмана заключается в выделении правового аспекта кантовского долга правдивости как имеющего фундаментальное значение для всей практической философии.

До написания известной статьи против Константа Кант утверждает в «Метафизике нравов» в качестве первой формулы деления правовых обязанностей «*правовую честность*» («*rechtliche Ehrbarkeit*»), которую, скорее всего, следует толковать как «правовую почтенность или честь», возвышающую человека до уровня морально-правового лица. Поэтому, когда Кант разъясняет эту формулу словами: «Не будь лишь средством для других, будь для них также и целью», это имеет прямое отношение

к столкновению двух заявленных «оснований для вменения в обязанность» — правдивости и человеколюбия³⁴.

Долг человеколюбия превращает «спасителя», вынужденного обманывать злоумышленника, в одно лишь «средство» сомнительного спасения, тем самым унижая в нем человеческое достоинство и вовлекая в опасную непредвидимую череду последствий. Поэтому честный человек обязан помочь другому в случае беды, но правомерными, т. е. не унижающими его достоинство средствами, например, открыто защитить своего друга от злоумышленника.

Долг правдивости, непосредственно вытекающий из первой правовой обязанности («*rechtlіche Erhbarkeit*»), является «более сильным основанием для вменения в обязанность», чем долг человеколюбия, *так как правовая обязанность, по Канту, более существенна и важна для сохранения человеческого сообщества, нежели этическая*³⁵.

Будучи правдивым, я сохраняю свое достоинство как человека (представителя человечества в моем лице), и не позволяю другим использовать меня для достижения их частных целей любыми средствами. А это значит, что, утверждая и реализуя эту правовую обязанность (быть честным), я поддерживаю и сохраняю моральные отношения между людьми, в том числе и человеколюбие, которое не должно быть вынужденным, а искренним, проистекающим из собственного душевного настроения человека.

Таким образом, когда меня заставляют помочь другому человеку с помощью *права на ложь*, то тем самым превращают меня в «одно лишь средство» и лишают части моего достоинства (как моей неотчуждаемой собственности), ибо отказываются вменять мне возможные негативные последствия вынужденного обмана. Если ложь по необходимости приведет к нужному результату — меня похвалят за то, что случилось, а если нет — то хитроумно оставят этот результат на моей совести, «мол, ты сделал все, что мог, ведь ты хотел, как лучше». *Но мог ли я действительно помочь другому человеку с помощью лжи в ситуации L?* Это ключевой вопрос, на который мы должны дать ответ.

Кант считает, что я не мог бы действительно помочь, так как *не мог знать* всю ближайшую цепь причинно-следственных связей и в частности наступление нужного эмпирического результата, который был бы порождением моей неправды. Участник этой ситуации оказывается во власти случая, так как не может предвидеть ближайшие последствия своей правдивости или неправдивости по отношению к другим, но вместе с тем он может ясно сознавать обязанность по отношению к самому себе — быть правдивым.

Можно предположить вслед за Эрихом Соловьевым, что мужественное умолчание (отказ от ответа) было бы одним из моральных решений этой ситуации, однако сама ситуация L исключает его: мы должны либо

³⁴ Кант И. Метафизика нравов. С. 260.

³⁵ Там же. С. 247.

сказать правду, либо солгать. Поэтому умолчание здесь не уместно, хотя оно может быть использовано в иных непростых ситуациях в качестве благоразумного выхода. В том-то и дело, что Кант прямо заостряет (обнажает) в этой исключительной ситуации противоречие между прагматической и моральной мотивацией человеческих поступков, разводя между собой *жизнь* (другого человека) и личную *свободу*. Действительно, *жизнь другого человека* и *моя собственная свобода (достоинство)* не сопоставимы по одному основанию, так как первая зависит от множества внешних (не зависящих от меня) обстоятельств и условий, а второе зависит только от меня, находится в моей власти.

Может ли жизнь другого человека в данной ситуации L зависеть только от моего правдивого или неправдивого ответа? Конечно, нет. Будет ли мой обман надежным препятствием для злоумышленника? Вряд ли. Ибо злоумышленник может просто не поверить моим словам, а может и поверить, но при этом поведение преследуемой жертвы также может оказаться непредсказуемым. Потому считать обман в данной ситуации целесообразным и эффективным средством спасения было бы, по меньшей мере, *легкомысленно*, а для Канта — просто *преступно*.

Прагматическое намерение помочь другому человеку *любыми* возможными средствами, сохраняя в то же время видимость моральной обязанности (ради человеколюбия), может подкупать своей полезностью, компромиссностью и житейским благоразумием; оно надеется в ситуации насилия сохранить каждому «свое» без использования правомерного (справедливого) принуждения, при этом ориентируясь на неправомерные (с точки зрения человечества в моем лице) средства, которые представляются якобы морально оправданными. Таким образом, «ложь по необходимости» будет средством достижения указанного прагматического намерения, вступающего в конфликт с требованиями чистого практического разума, т. е. с требованиями кантовского морально-правового идеала.

Следуя кантовскому определению идеала как совершенного «пробора», по отношению к которому все попытки подражания «все же всегда бесконечно далеки от того, чтобы сравняться с ним», мы вынуждены признать конечность и ограниченность наших усилий, стремлений, направленных на осуществление этого идеала³⁶. Если умпостигаемая свобода вступает в конфликт с желанием жить и сохранить «свое» (в том числе и счастье), то это порождает мучительный выбор. Надежда на счастье и надежда на сохранение имеющегося «своего» выступают единым фронтом против бескорыстного и кажущегося глуповатым стремления к моральному совершенствованию, к тому, чтобы быть лучше. Если человек хочет быть лучше, то эта его внутренняя потребность должна пересилить себялюбивые интересы и склонности, превозмочь их с помощью «внутренней правды».

³⁶ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1994. С. 439.

Конфликт между жизнью другого и моей свободой нуждается в разрешении. Соблазнительные советы житейского благоразумия, с одной стороны, и суровая требовательность правдивости — с другой, а за этими разнонаправленными мотивами Канту видятся такие принципы человеческих взаимоотношений, как «любовь» и «уважение» (включающее и самоуважение — признание собственного достоинства).

Заслуживает ли злоумышленник нашего уважения? Имеет ли он свое достоинство? Констан и многие другие мыслители отвечают на эти вопросы отрицательно, тем самым исключают злоумышленника (даже еще не преступника) из «человечества». Кант не может согласиться с таким унижением и такой избирательностью в признании человеческого достоинства. В «Метафизике нравов» он пишет: «Так же, как человек не может отдать себя ни за какую цену (что противоречило бы долгу самоуважения), точно так же он не может поступить против столь же необходимого уважения к другим как людям, т. е. он обязан практически признавать достоинство человечества во всех других людях; стало быть, на человеке лежит долг, связанный с уважением, которое необходимо следует оказывать всем людям» (курсив мой. — А. М.)³⁷.

Следует обратить внимание на то, что немецкий философ относит долг уважения именно ко «всем людям», а следовательно, и к злоумышленникам, и к преступникам, так как практический разум, по его словам, не должен превращать упрек в порочности в «полное презрение и отказ порочному человеку в какой бы то ни было моральной ценности: согласно такому предположению он никогда не сможет исправиться: а это не совместимо с идеей человека, который как таковой (как существо моральное) никогда не может исчерпать все свои задатки доброго»³⁸. Конечно, мы можем опасаться человека, замышляющего что-либо злое, и должны предотвратить возможную несправедливость правовыми средствами, но при этом должны признавать за злоумышленником формально-правовое достоинство, от которого ни он сам не должен отказываться, ни другие люди не должны ему отказывать в этом достоинстве, пока он не перестанет быть человеком³⁹.

Когда же речь заходит о праве солгать злоумышленнику или другому человеку, который *может* нанести некоторый ущерб «собственности» или безопасности организаций или частных лиц, то такое *право* вступает в противоречие с указанными морально-правовыми требованиями практического разума, и, прежде всего, с долгом уважения себя и другого лица.

³⁷ Кант И. Метафизика нравов. С. 510.

³⁸ Там же. С. 511.

³⁹ В традиционных культурах, в том числе и в русской понятия достоинства и уважения имеют отношение только к представителям власти, богатым и образованным людям, остальные легко именуется «быдлом», заслуживающим презрения. А потому не удивительно, что доведенное до отчаяния «быдло» уничтожает все до основания.

Если мы кому-то отказываем в уважении, например, злоумышленнику или врагу, то этим отношением мы усиливаем антагонизм наших взаимоотношений и порождаем своими неразумными максимами еще большее состояние враждебности и насилия. Заранее не доверяя практическому разуму других людей, даже тех, которых мы должны опасаться, мы оказываемся творцами прагматичного, расчетливого мира «универсального недоверия, холода, немилосердия», который по словам Норберта Хинске, будет «отражением ада»⁴⁰.

Кантовская перспектива права человечества выводит нас из «ада» взаимного насилия и корыстного использования друг друга; она предполагает изменение самого способа мышления человека, говоря точнее, предполагает «коперникианскую революцию в мышлении», которая предназначена актуализировать кроме технико-прагматических задатков человека, его моральные задатки как свободной и умопостигаемой личности, как творца собственного мира целей, ценностей и убеждений, т.е. просвещенной персоны.

5

В заключение мы хотели бы обратить внимание на *морально-правовое единство* кантовского запрета на ложь в статье против Констана. Некоторые исследователи считают, что эта статья выражает лишь правовой запрет и не относится к сфере морали.

Сама логика кантовской практической философии строится на преимущественном положении права перед моралью, ибо право предназначено защитить каждое лицо от возможного насилия со стороны других лиц с помощью системы принуждения и наказания. Именно правовой порядок обеспечивает пространство для реализации моральной свободы каждого лица. Из чего следует, что правовые основоположения являются необходимым условием морального должностования. Следовательно, правовой запрет на ложь обязателен для морали, тем более что юридическое закрепление норм обычно происходит после их утверждения в общественном моральном сознании. Не случайно Кант завершает свою статью словами: «Все практические правовые основоположения должны заключать в себе строгие истины... исключения уничтожили бы тот характер всеобщности, ради которого только эти истины и получили название основоположений»⁴¹.

Лгущий человек оказывается не только «подлецом» с точки зрения морали, но и «преступником» с точки зрения права человечества, и никакие благие намерения не могут его оправдать.

⁴⁰ Хинске Н. Кантовское разрешение антиномии свободы или неприкосновенное ядро совести // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 154.

⁴¹ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия. С. 262.

Современное демократическое общество, основанное на институтах частной собственности и конкуренции, видит во лжи и в различных видах обмана, большую угрозу для своего развития, так как растущие информационные потоки многократно увеличивают возможность оказаться в заблуждении, и стать просто «средством» реализации чьих-то интересов. Защита от этих заблуждений требует недопущения права на ложь, а также юридической ответственности за различные обманы. Таким образом, прежде чем что-то заявлять или обещать, нужно хорошенько подумать, иначе можно понести судебное наказание. Из чего становится еще более понятным кантовский принцип «необщительной общительности», ведь в условиях конкурентного сосуществования придется многое умалчивать или вовсе не общаться, чтобы сохранить «свое» (лицо, достоинство, собственность) и не стать подлецом и преступником.

Таким образом, право на ложь не совместимо с кантовским просвещенным персонализмом и представляет собой значительное препятствие для реального продвижения человечества к Вечному миру.